

ГЛАВА 1

Новая жизнь

Ранним утром возле здания Краснодарского аэропорта было непривычно тихо. Таксисты лениво покуривали, карауля прибытие очередного рейса, киоски с блинчиками и кофе еще не открылись, а на парковку изредка заезжали автомобили. Водители высаживали сонных путешественников с горой чемоданов и тут же укатывали, чтобы не задерживаться на территории дольше бесплатных пятнадцати минут.

Ника стояла у дороги, ожидая шефа, и придирчиво разглядывала очередное селфи, третье за последние пять минут. Кожа опять вышла бледной, но ничего, фильтр в инстаграме это быстренько поправит. Улыбка задумчивая, таинственная, как и планировалось, наклон головы идеальный — не видно залысины за ушами. А вот идиотскую прическу исправит только время. Пройдет месяцев пять-шесть, в худшем случае — год, волосы отрастут, и пацанская стрижка (или «ультракороткий гарсон», как с довольной рожей заявил вчера парикмахер) превратится хотя бы в каре. Зато новые сережки смотрелись отлично! Серебряные кольца подчеркивали линию шеи, а перевернутый треугольник из зеленых камушков оттенял

карие глаза. Но самое главное – на заднем фоне отчетливо виднелось «Аэропорт «Краснодар Пашковский»», можно даже геометку не ставить.

Решив, что лучшей картинке не добьется, Ника набрала «Как вам мой первый рабочий день?» и запостила фото. Подумала секунду и добавила: #Испания2018 #БарселонаЖди. Пусть бывшие коллеги знают, что она не сидит дома, размазывая слезы по ноутбуку, не оплакивает свою неудавшуюся карьеру и растаявшие финансы, из-за которых даже этот самый ноутбук пришлось продать. Пусть видят, что она готова к бою, выглядит на пять с плюсом и полгода больничных скитаний прошли бесследно. Пусть думают, что она абсолютно здорова. Правду все равно никто не узнает. Никогда.

Прохладный ветерок обдувал открытые плечи, солнышко нехотя просыпалось, еще пара часов, и остывший за ночь город снова накроет нестерпимой жарой. Краснодарское лето в привычной манере наплевало на календарные даты. Ну и что, что начало сентября? Припекало и изматывало, как в разгар сезона. Но уже через три часа Ника будет в «Домодедове», а оттуда прямой рейс в Барселону, где тоже жара и солнце, а еще море, пальмы, вкуснейшая еда и работа. Работа, о которой Ника практически ничего не знала.

Вчера утром Женек огорошила ее, вывалив в любимой манере всю информацию разом: «Меня кладут в больницу на сохранение, а завтра командировка. Босс прибьет. У тебя же виза еще открыта? Билеты я поменяю, с отелем договорюсь, кошку Валерка покормит. Слетай, Ника, будь человеком. Развеешься, да и деньги тебе не помешают».

Последний аргумент был особенно веским. Ника потеряла работу четыре месяца назад. Ну как потеряла, шеф ради приличия подождал, когда ее выпишут из больницы, а потом написал в ватсап, попросил заглянуть в отдел кадров за расчетом. Объяснил, что клиенты не станут работать с маркетологом, чье имя в интернете мусолят направо и налево. Да, она не виновата в той аварии, да, дело не возбудили, судимости нет, и вроде бы все закончилось. Но пешеход мертв, интернет бурлит, а ее состояние никого не волнует. Всем плевать, что ей до сих пор снится темная фигура, бросившаяся под колеса, снится, как она вдавливая тормоз, как выкручивает руль. Снится собственный крик — наверное, последнее, что Ника отчетливо слышала в жизни.

Потом были полгода тишины. Заплаканное мамино лицо, папино «я во всем разберусь», которое Ника научилась читать по губам, и ее собственное «никого не хочу видеть». Два месяца она провела в больнице, отходя от операции, из-за которой лишилась некогда длинных вьющихся волос. Гематома ушла, а слух так и не вернулся. Диагноз «нейросенсорная тугоухость четвертой степени» звучал как приговор. В ее внутреннем эквалайзере будто убрали низкие частоты, высокие же приглушили настолько, что угадывались лишь некоторые звуки, и приходилось додумывать, о чем кричит собеседник.

Еще почти три месяца она просидела дома, рыдая до головокружения, до тошноты, не представляя, как жить дальше, а порой задумываясь, стоит ли жить.

Продукты привозили родители, Баффка терлась о ноги, развлекая хозяйку со всей той эго-

истичной любовью, на которую способны только кошки, Женек приходила в гости и присылала подбадривающие сообщения.

Новенький слуховой аппарат, подаренный родителями, лежал на тумбочке, дожидаясь часа, который никогда не настанет. После двух попыток выйти с этой штуковиной в люди Ника поняла, что больше не вынесет. В толпе звуки сливались в шуршаще-бухающую кашу, речь была почти неразличима. Приходилось переспрашивать, просить повторить погромче или вовсе стыдливо протягивать блокнот, объясняя, что ничего не слышит. Аппарат проблему не решал, а только приковывал сочувствующие и удивленные взгляды.

От брата Ника узнала о еще одном способе вернуться в мир «нормальных» — кохлеарной имплантации. Миха жил в Берлине, работал ай-тишником в медицинском центре «NewHear», вот и рассказал о технологии, которая, оказывается, уже шестьдесят лет дарит новую жизнь тем, кто лишился слуха. Изогнутая штукавина крепилась за ушной раковиной, а передатчик (круглая блямба диаметром сантиметров пять) цеплялась к голове, примагничиваясь к приемнику, вживленному под кожу. Внешняя часть с помощью микрофонов улавливала звук, кодировала, отправляла на электродную решетку, имплантированную в улитку. Дальше импульсы передавались на слуховой нерв.

Ника пришла за советом к сурдологу, и та подтвердила, что кохлеарная имплантация — отличное решение: «Будешь слышать почти как раньше! А за внешний вид не переживай: волосы отрастут, никто и не заметит!»

Ника понимала, что волосами такое уродство не скроешь, особенно если блямб на башке будет две. Но разве это причина отказываться от возможности снова слышать? За шанс вернуться в мир «нормальных» она готова была целовать сурдологу ноги. Однако поцелуев оказалось мало. Имплант на одно ухо стоил тридцать тысяч евро, в идеале нужно было ставить два. Ника уже подумывала, кому бы сбегрить «лишнюю» почку, параллельно собирая бумажки для получения квоты (оказывается, существовал шанс выбить имплант у государства), когда произошло чудо.

В компании, где работал брат, запустили новую экспериментальную программу, и Миха договорился, чтобы в нее включили Нику.

Немецкие врачи предлагали кохлеарный имплант нового поколения. Им удалось уместить все внешние элементы в, казалось бы, обычную сережку – аккуратное серебряное колечко. Приемник под кожу не вживлялся, а значит, не было никакой круглой блямбы на голове. Электроды, имплантированные в улитку, получали сигнал удаленно, без проводов и соединений.

Ну, а дальше была поездка в Германию, исследования, анализы и куча новых терминов, которые в той, прошлой жизни Нике никогда бы негодились. Перед операцией пришлось подписать кипу бумаг, навешивающих столько обязательств, сколько обычному человеку за сто лет не собирать: отказ от претензий, памятку по уходу за инновационной разработкой, материальную ответственность, согласие раз в полгода приезжать на обследование и ежедневно вести онлайн-дневник. Но самой важной бумажкой было соглашение о неразглашении. О секретной разработке

запрещалось рассказывать. Да Ника, в общем-то, и не собиралась, о последствиях той аварии знали только родители, брат и Женек, с которых она взяла слово держать язык за зубами.

Потом была еще одна операция. Очнувшись после наркоза, Ника поняла, что кохлеарные импланты уже внутри. Нет, она их не чувствовала, да и возможно ли ощутить инородное тело в черепной коробке? Импланты стали ее частью. Сбывшаяся мечта писателя-фантаста — человек-киборг с номерным чипом в мозгу. Хотя нет, не в мозгу, врач объяснил, что импланты вживляются во внутреннее ухо. Никакой трепанации черепа и прочих пугающих процедур, аккуратный надрез за ухом, установка электродов в улитку, и все — отходи от наркоза и можешь быть свободна.

О том, что операция завершена, подсказывала повязка вокруг головы. А явившаяся чуть позже медсестра протянула ненавистный блокнот, в котором почерком брата значились самые важные слова в жизни: «Скоро будешь слышать».

Четыре недели Ника провела в Берлине, безвылазно сидя в квартире Михи и читая отзывы пациентов с обычными кохлеарными имплантами. Все в один голос утверждали, что звуки возвращаются, но не сразу. Кому-то хватало нескольких дней, у кого-то ушли годы. Зависело от того, в каком возрасте человек потерял слух и как долго жил без импланта. В любом случае коллеги по несчастью советовали набраться терпения, ходить на реабилитации, заниматься дома. А также учиться читать по губам, это поможет уловить смысл, если чего-то недослышишь. Ника изучила несколько видеоуроков, поняла, как распознавать основные звуки, а затем раз за разом смотрела лю-

бимых с детства «Чародеев», пытаясь прочитать реплики героев по губам. Иногда получалось — субтитры подтверждали угаданные фразы, но чаще смысл ускользал и терялся.

А затем ее пригласили на примерку сережек. Первое подключение разочаровало. Ника будто очутилась в фильме «Кто подставил кролика Роджера»: медперсонал говорил мультяшными головами, звуки казались электронными, ненастоящими. Потом были настройки, занятия с сурдологом, и две недели спустя она, наверное впервые за полгода, улыбнулась.

Ника вернулась из Германии десять дней назад и все еще привыкала к миру, вновь наполненному звуками. Ее внутренний эквалайзер починили. Качественно, но не без дефектов: электронное звучание сгладилось, однако не пропало вовсе. Некоторые слова путались, воспринимались иначе. Например, она долго пыталась понять, чего хочет мама, вопрошающая: «Где живет ежик?», пока мозг обрабатывал, переводил, выдав наконец осмысленное: «Где лежит ножик?»

Но голоса и манеру речи близких Ника помнила, а потому многие слова не столько «слышала», сколько «узнавала». К незнакомым же людям приходилось привыкать: додумывать фразы из контекста или угадывать по движению губ. Особенно туго было в шумной обстановке — звуки смешивались, сливались, голова гудела от обилия скрипов, шуршания и бряцания. Речь при этом удавалось понять в лучшем случае наполовину.

Так или иначе, двигатели автомобилей снова ревели, птицы щебетали, туфли шаркали по асфальту, прохожие невнятно переговаривались, а диспетчер вещал, что открыта регистрация на

рейс Краснодар—Домодедово. Однако новый шеф до сих пор не явился.

Цифры на экране телефона показывали без пятнадцати семь, вылет через час, еще нужно было зарегистрироваться и пройти контроль. Да и не мешало бы разобраться с багажом: чемодан сдать, это понятно, сумочку в ручную кладь, а вот с «продуктом» придется повозиться.

«Бери в салон, — настаивала Женек. — В крайнем случае прикройся бизнес-классом шефа, скажи, что это его прихоть. Никуда не денутся, пустят».

Сумка-холодильник с восемьюдесятью баночками черной икры стоила дороже всех Никиных вещей, включая китайский телефон, купленный на замену разбитому в аварии айфону. Конечно, она не собиралась сдавать такую ценность в багаж. Потеряют еще! Однако на границе «продукт» нужно задекларировать, иначе конфискуют. В сумке лежала целая кипа бумаг, подтверждающих, что икра летит на конференцию.

Народу заметно прибавилось. Мужчины и женщины спешили зарегистрироваться на рейс, малыши спали в колясках или радостно щебетали на отцовских плечах, подростки с хмурыми лицами шествовали на почтительном расстоянии от родителей, подчеркивая свою самостоятельность.

Наконец в паре метров от Ники остановился черный автомобиль. Не нужно было смотреть на эмблему, чтобы узнать изящные изгибы «Порше», да и Женек рассказывала про крутую тачку шефа. Ника попыталась приветственно улыбнуться, но застыла, удивленно глядя на мужчину, вышедшего с пассажирской стороны: острый нос, голубые глаза, волосы почти полностью седые, только

изредка проглядывают черные пряди. На вид моложе своих пятидесяти трех, максимум сорок восемь. Все сходилось с фотографией, которую Ника вчера рассматривала на сайте «Царской трапезы», но кто бы мог подумать, что новый шеф — коротышка!

Она сама до верхних полок дотягивалась только с табуреткой, однако Роман Валентинович Гордеев оказался сантиметров на десять ниже. Этакий щупленький дядечка в футболке-поло, легких брюках и со спортивной сумкой. Ника спохватилась, перестала удивленно таращиться и, подхватив чемодан и поклажу с икрой, направилась к машине.

— Вероника Семенна? — Новый шеф на американский манер протянул руку.

Ника не любила, когда ее называли по имени-отчеству, особенно — когда сокращали «Семеновна» до просторечного «Семенна».

— Можно просто Ника. — Она ответила на рукопожатие.

Раздалось пронзительное «би-и-ип», следом еще одно и еще. «Порше» перекрыл полосу, из-за чего уже образовался затор. Раздраженные водители призывали обнаглевшего коллегу к порядку. Роман Валентинович поморщился и поковырял в ухе.

— Разбибикались, клоуны!

С водительской стороны выбрался высокий полный парень лет двадцати пяти.

— Пап, давай *ана аарвку* заеду? *Шашаем ше*.

«Пап, давай я на парковку заеду? Мешаем же», — самой себе перевела Ника.

Нет, сын нового шефа не шепелявил и не глотал слова, однако сочетание «незнакомый чело-

век» плюс «нечеткая дикция» плюс «шумная обстановка» давало помехи.

Прозвучало еще одно громкое «би-и-ип».

— Да ты домой двигай, — буркнул Роман Валентинович, — мы с Вероникой Семенной сами справимся.

Удивительно, но речь нового шефа воспринималась отлично. Возможно, потому что он стоял поближе, возможно, говорил почетче.

Роман Валентинович улыбнулся Нике, а его сын тем временем извлек из багажника небольшую клетчатую сумку, с какими челноки мотаются за товаром.

— Точно справитесь? — Он подошел и перевел неуверенный взгляд с Ники на сумку.

— Да чего тут справляться? — Роман Валентинович похлопал сына по плечу. — Давай, Ромик, езжай. За мамой присматривай, чтобы таблетки вовремя... ну ты сам знаешь.

«Ромик» кивнул и поморщился, услышав очередное «би-и-ип».

— Вероника Семенна, давайте я вам помогу. — Роман Валентинович выхватил у Ники сумку-холодильник. — И пойдете уже, регистрацию вот-вот закроют.

Он направился ко входу, оставив Нику с клетчатым недоразумением и чемоданом. «Ромик» сочувственно пожал плечами и убежал убирать «Порше».

— Стоило пять лет учиться в универе, чтобы таскать вещи всяких олигархов, — проворчала Ника.

Судя по острым углам, в клетчатой лежали коробки с листовками. Женек предупреждала, что шеф их привезет. Весила сумка килограммов пят-

надцать, а из-за коротких ручек тащить ее было неудобно. Ника чувствовала себя котиком из смешных роликов на Ютубе: вечно залезут черт знает куда, а выбраться не могут. Чемодан, клетчатая, да еще сумочка, которая, как назло, то и дело соскальзывала с плеча. Приходилось останавливаться и поправлять. В общем, когда она добралась до стоек регистрации, Роман Валентинович уже нервно поглядывал на часы.

Зарегистрировались они быстро, билет шефа в бизнес-класс открывал дорогу в обход очереди. Сотрудница авиакомпании хотела было развернуть Нику, мол, с экономом стой, как все. Но взгляд Романа Валентиновича работал не хуже вил-билета: девушка натянула вежливую улыбку, зарегистрировала багаж и выдала посадочный талон.

Икру пустили в салон, и Ника выдохнула, хоть одной проблемой меньше. Избавившись от багажа, они налегке проследовали к контролю безопасности, Роман Валентинович не преминул вручить Нике сумку-холодильник, а сам, запустив руки в карманы, рассказывал, как ему повезло с «Женечкой» и как он расстроился, узнав, что она собирается в декрет. Нет, он, конечно, за Женечку рад! Однако она вот уже семь лет его правая рука и опора, как же он справится без нее и сумеет ли отыскать замену?

На последней фразе Роман Валентинович многозначительно посмотрел на Нику, давая понять, что одна командировка вовсе не означает, что Женечкина должность тут же перейдет к ней. Ника вежливо улыбалась, хотя этот тип уже начинал ее раздражать. Она дважды попросила не называть ее «Вероникой Семенной», но Роман Валентинович будто издевался: